

УРОКИ ЛИТЕРАТУРЫ

№ 11 - 2013 / ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ «ЛИТЕРАТУРА В ШКОЛЕ»

В номере:

РАЗУМНОЕ, ДОБРОЕ, ВЕЧНОЕ

**В.А.ВОРОПАЕВ —
Однажды Гоголь...
Рассказы из жизни писателя
(1)**

УЧА, УЧУСЬ

**В.Н.МЕХЕДОВ —
Работа с портретами Н.В.Гоголя
(10)**

Н.М.Ромадин. Н.В.Гоголь. 1978

ВОРОПАЕВ Владимир Алексеевич — доктор филологических наук, профессор МГУ, г. Москва

ОДНАЖДЫ ГОГОЛЬ... РАССКАЗЫ ИЗ ЖИЗНИ ПИСАТЕЛЯ

Вместо предисловия

Гоголь однажды сказал, что человек со временем становится тем, чем смолodu был. А каким был он сам в детстве и отрочестве? О школьных годах Гоголя, времени его пребывания в Гимназии высших наук в Нежи-

не сохранилось немало воспоминаний его школьных товарищей. Существует мнение, что Гоголь обратился в своём творчестве к духовным темам лишь в зрелые годы жизни. Но по воспоминаниям его соучеников, он уже в школе прекрасно знал весь ход Божественной службы, а однажды, недовольный

плохим пением на клиросе, поднялся туда и стал петь с хором, тщательно произнося слова молитв. Впрочем, разных интересных случаев было много в отрочестве и в дальнейшей жизни Гоголя. В этих коротких историях приоткрывается внутренний мир великого русского писателя.

Научно-методический,
культурно-образовательный
журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ

ООО «Редакция журнала
"Уроки литературы"»

Главный редактор
Н.Л.КРУПИНА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ

В.Г.РАСПУТИН,
писатель

Ю.В.ЛЕБЕДЕВ,
профессор, доктор
филологических наук,
Костромской ПГУ

С.А.НЕБОЛЬСИН,
доктор филологических наук,
ИМЛИ им. М.Горького

З.А.ШЕЛЕСТОВА,
кандидат педагогических наук,
доцент МПГУ

Н.В.НЕЩЕРЕТ,
учитель Глебовской школы Истринского
района Московской области

И.А.УЧАМБРИНА,
учитель центра образования № 919,
Москва

Зарегистрировано Министерством
Российской Федерации по делам
печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций

Свидетельство № 77-1667
от 10 февраля 2000 г.

Отпечатано
ЗАО «Алмаз-пресс», Москва
Тираж 10 000 экз.

АДРЕС:

Покровский бульвар, д. 4/17, строение 5,
Москва, почта, 101000.
Тел.: 8 (495) 624-77-78; 8 (495) 624-77-38
E-mail: litervsh@mail.ru

© Журнал «Уроки литературы». 2013.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Не забудьте продлить
подписку на 2014 год.

Индексы «Роспечати»:
73227 (инд.), 73235 (орг.).

Индексы «Почты России»:
24286 (инд.), 24287 (орг.).

Уважаемые авторы!

Убедительно просим отправляемые
по электронной почте статьи
сопровождать аннотацией, ключевыми
словами и данными о себе.

Испрошенный молитвой матери

Мать Гоголя, Мария Ивановна, у которой двое детей перед тем умерло, едва появившись на свет, дала обет перед чудотворным образом святителя Николая, называемым Диканьским, если будет у неё сын, наречь его Николаем и просила местного священника молиться до тех пор, пока его не известят о рождении дитяти и не попросят отслужить благодарственный молебен. Испрошенный молитвой, новорождённый Николай и был встречен в этом мире молитвой благодарения Богу. По словам сестры писателя, Ольги Васильевны Гоголь-Головни, брат её любил вспоминать, почему назвали его Николаем.

Как баба кисель варила

Первые деньги, данные ему дедушкой Иваном Матвеевичем, юный Гоголь употребил на вспомоществование бедным и угощение конфетами семье. Маленький Николай Васильевич любил петь малороссийскую песню, ясно выговаривая каждое слово и за дверью, чтобы никто не видел:

*Баба кисель варила,
На морозе цедила...*

Выдумщик

В свободное время Никоша (как звали его дома) любил рисовать. Опрокинет чернильницу, и из чернил выйдет мужик в шляпе. Ещё не умел читать, а на географической карте указывал все города.

Маленький стихотворец

Пяти лет от роду Гоголь вздумал писать стихи. Никто из домашних не помнил, какого рода стихи он писал. Но в памяти Марии Ивановны сохранился случай, когда известный литератор Василий Капнист, захав однажды к отцу Гоголя, застал его пятилетнего сына за пером. Малютка Гоголь сидел за столом, глубокомысленно задумавшись над каким-то сочинением. Капнисту удалось просьбами и ласками уговорить ребёнка-писателя прочесть своё произведение. Гоголь отвёл Капниста в другую комнату и там прочёл ему свои стихи. Капнист

никому не сообщил о содержании этих стихов. Глубоко тронутый услышанным, он вышел к домашним Гоголя, лаская и обнимая маленького сочинителя, и сказал: «Из него будет большой талант, дай ему только судьба в руководители учителя-христианина».

Талант, не uznанный школой

В Нежинской гимназии Гоголь держался особняком и не отличался особенным прилежанием. Учитель латинского языка Иван Григорьевич Кулжинский, единственный педагог, оставивший о Гоголе воспоминания, сообщает, что он учился у него три года и ничему не научился. Во время занятий Гоголь всегда, бывало, держал под скамьёй какую-нибудь книгу и читал. «Это был талант, не uznанный школой и, ежели правду сказать, не хотевший или не умевший признаться школе».

Товарищи Гоголя были невысокого мнения о его литературных способностях, особенно в области прозы. «В стихах упражняйся, — советовали ему, — а прозой не пиши: очень уж глупо выходит у тебя. Беллетрист из тебя не вытанцуется, это сейчас видно».

Гоголь в роли госпожи Простаковой

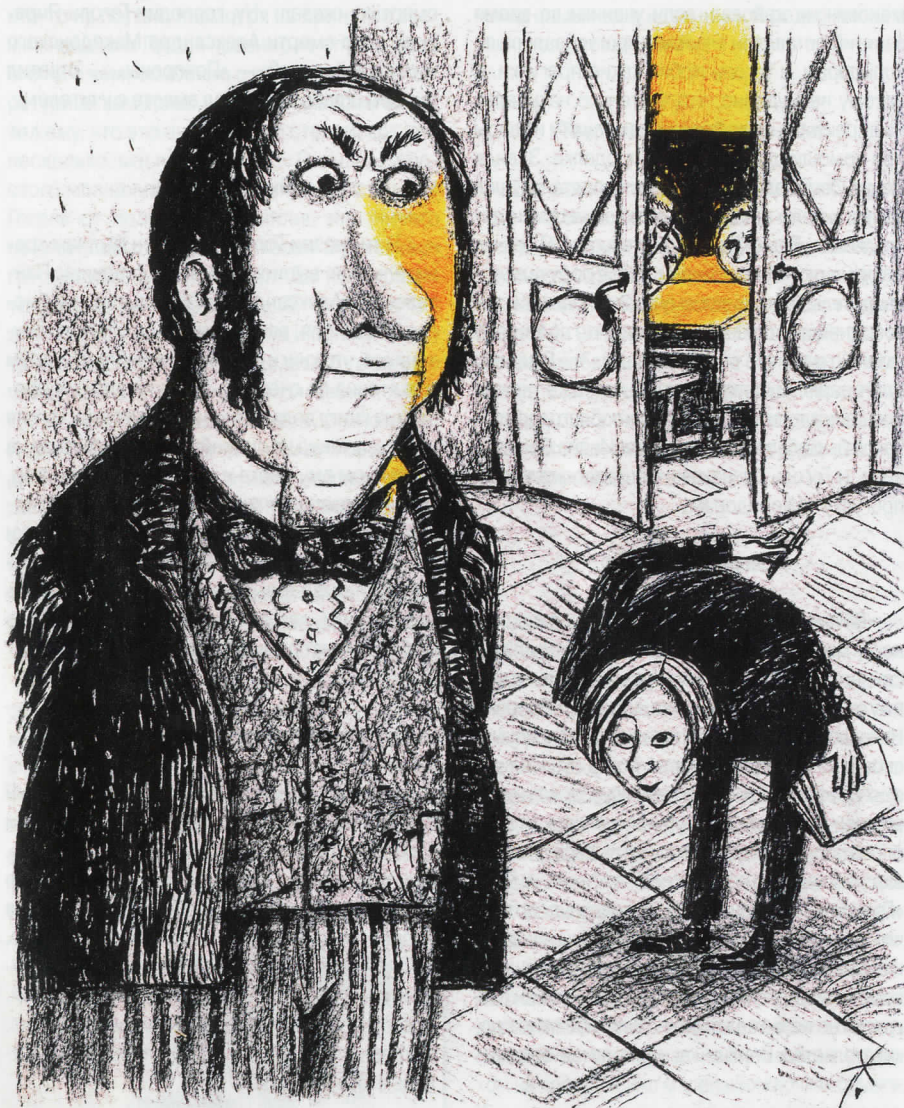
Зато в театральных представлениях Гоголю как актёру не было равного. «Все мы думали тогда, — вспоминал один из воспитанников гимназии Тимофей Пашенко, — что Гоголь поступит на сцену, потому что у него был громадный талант и все данные для игры на сцене...» Особенным успехом Гоголь пользовался в роли госпожи Простаковой из фонвизинского «Недоросля». Константин Базили рассказывал впоследствии, что видел эту пьесу в Москве и в Петербурге, но сохранил навсегда убеждение, что ни одной актрисе не удавалась роль Простаковой так хорошо, как играл эту роль шестнадцатилетний тогда Гоголь.

Театральная дуэль

Ученики жертвовали в театральном гардеробе кто что мог. Между прочим, была пожертвована кем-то пара старых заржавленных пистолетов, замечательная по следующему случаю. Однажды, перед самым представлением «Недоросля», Гоголь как-то задел своей шуткой Базили. Тот вспыхнул и отказался играть, а играл он роль Стародума. Ну как без Стародума начинать спектакль? Гоголь сделал вид, что вышел из себя; в притворном негодовании он вызвал товарища на дуэль и подал ему театральные пистолеты без курков. Базили рассмеялся и стал играть.

Таинственный карла

Один из ближайших школьных друзей Гоголя Александр Данилевский вспоминал: «В Нежине товарищи его любили, но называли: таинственный карла. Он относился к товарищам саркастически, любил посмеяться и

давал прозвища». Прозвище «таинственный карла» произошло от названия романа английского писателя Вальтера Скотта, названного в русском переводе 1824 года «Таинственный Карло» (в оригинале — «Чёрный карлик»). Характер этого героя — причудливая смесь притворной мрачности и искренней, скрываемой под маской холодности любви к людям.

Эти свойства видятся в отзыве, данном Гоголю матерью. Мария Ивановна сразу после смерти сына писала о нём: «Сердце этого ангела было полно нежнейших чувств, которые он скрывал, не знаю почему, под угрюмой наружностью и никому не любил показывать их». В воспоминаниях о сыне она снова говорит об этой черте его характера: «...он имел самое чувствительное сердце и стремился, как только мог, скрыть эту нежность его души, желал показывать себя противоположным этому прекрасному чувству и оттого казался скрытым; он любил всеми силами души своих товарищей...»

Об этом же говорили и школьные приятели Гоголя. Один из них, Василий Любич-Романович, вспоминал: «Вообще он, бывая в обществе, ходил с опущенной головой и ни на кого не глядел. Это придавало ему вид чело- века, глубоко занятого чем-то, или сурового субъекта, пренебрегавшего всеми людьми. Но в общем он не был зол, напротив, его душа всегда была отзывчива к ближнему».

Внутренний мир Гоголя-юноши оставался закрытым от сверстников, а те незначительные проявления его в обыденной жизни, которые они наблюдали, не давали представления о нём. Тот же Любич-Романович запомнил Гоголя скрытым, застенчивым, молчаливым, погружённым в самого себя. Он мало говорил, предпочитая больше слушать и молчать. По словам мемуариста, эта привычка к уединённой жизни была заметна в Гоголе ещё с детского возраста, когда он воспитывался в родном имени, окружённый людьми богобоязненными и религиозными. Выражая общее мнение людей, знавших Гоголя со школьной скамьи, Любич-Романович утверждал, что, если бы не преждевременная смерть Николая Васильевича, он закончил бы дни своей земной жизни в монастыре, где дух поэта обрёл бы покой и уединение, которых всегда искал...

Поклон его превосходительству

Нестор Кукольник, нежинский соученик Гоголя, рассказывает, что у директора гимназии Ивана Семёновича Орлая в Полтавской губернии, в Миргородском уезде, было маленькое имение, при котором состояло всего шесть душ. Имение это находилось по соседству с деревней матери Гоголя. С этим обстоятельством связан следующий забавный случай. Иван Се-

мёнович не жаловал, если ученики во время занятий оставляли классы и прогуливались по коридорам, а Гоголь любил такие прогулки, и потому не мудрено, что частенько наткнулся на директора, но всегда выходил сухим из воды при помощи одной и той же проделки. Завидя Ивана Семёновича издали, он не прятался, шёл прямо к нему навстречу, раскланивался и докладывал: «Ваше превосходительство! Я сейчас получил от матушки письмо. Она поручила засвидетельствовать вашему превосходительству усерднейший поклон и донести, что по вашему имению идёт всё очень хорошо». — «Душевно благодарю! Будете писать к матушке, не забудьте поклониться и от меня и поблагодарить». Таков был обыкновенный ответ Ивана Семёновича, и Гоголь безнаказанно продолжал свою прогулку по коридорам.

У кого лучше вышло

В Нежинской гимназии профессор словесности Парфений Никольский заставлял учеников сочинять стихи. На одном уроке Гоголь подал ему стихотворение Пушкина, кажется, «Пророк». Никольский прочёл, поморщился и, по привычке своей, начал переделывать. Когда пушкинский стих профессором был вконец изуродован и возвращён мнимому автору с внушением, что так плохо писать стыдно, Гоголь не выдержал и сказал: «Да ведь это не мои стихи-то». — «А чьи?» — «Пушкина. Я нарочно вам их подсунил, потому что никак и ничем вам не угодить, а вы вон даже и его переделали». — «Ну, что ты понимаешь! — воскликнул профессор. — Да разве Пушкин безграмотно не может писать? Вот тебе явное доказательство. Вникни-ка, у кого лучше вышло».

Считите за мной

По рассказам нежинских соучеников, Гоголь ещё в школьные годы никогда не мог пройти мимо нищего, чтобы не подать ему, и если нечего было дать, то всегда говорил: «Извините». Однажды ему даже случилось остаться в долгу у одной нищенки. На её слова: «Подайте Христа ради» — он ответил: «Считите за мной». И в следующий раз, когда та обратилась к нему с той же просьбой, он подал ей вдвойне, добавив при этом: «Тут и долг мой».

И Гоголь тож

В гимназии Гоголь и между товарищами, и по официальным документам назывался Яновским. Нестор Кукольник вспоминает, как однажды, уже в Петербурге, один из приятелей спросил Гоголя: «С чего ты это переименовал фамилию?» — «И не думал». — «Да ведь ты Яновский». — «И Гоголь тож». — «Да что значит гоголь?» — «Селезень», — отвечал Гоголь сухо и свернул разговор на другую материю.

Похороны Александра Македонского

Однажды на уроке учитель всеобщей истории с большим жаром рассказывал про подвиги Александра Македонского и, заключив

смертью, сказал: «Ну, господин Гоголь-Яновский, а по смерти Александра Македонского что последовало?» — «Похороны», — ответил он. Весь класс захохотал вместе с учителем.

Библиотекарь

В гимназии Гоголь известен был как хранитель книг, выписываемых в складчину. Пантелеймон Александрович Кулиш, первый биограф писателя, рассказывает со слов его соучеников, что книги выдавались библиотекарем для чтения по очереди. Получивший для прочтения книгу должен был в присутствии Гоголя усесться чинно на скамейку в классной зале на указанном ему месте и не вставать до тех пор, пока не возвратит книги. Этого мало: библиотекарь собственноручно завёртывал в бумажки большой и указательный пальцы каждому читателю и тогда только вверял ему книгу. Гоголь берёг книги, как драгоценность, и особенно любил миниатюрные издания.

Как Гоголь проучил хвастуна

Был между учениками хвастун, который весьма часто хвастал перед ними именьями отца своего, хотя все знали, что это неправда. Хвастовство это надоело всем, но никто не решался унять товарища. Однажды во время подобного хвастовства, в самом его разгаре, Гоголь вынул из кармана малороссийскую дудочку и вдруг просвистел посреди товарищей. Все расхохотались. Хвастун вдруг замолчал, покраснел, заплакал, и с той поры прекратилось его хвастовство.

Школьные проказы

Однокашник Гоголя по гимназии Иван Сушков рассказывал однажды за обедом у своего дяди, московского литератора Николая Васильевича Сушкова: «Никто не думал из нас, чтобы Гоголь мог быть когда-либо писателем даже посредственным, потому что он известен был в лицее за самого нерадивого и обыкновенного слушателя и отличался больше *жартами* (шутками. — В. В.), которыми часто заставлял всех товарищей хохотать до беспамьяства. Довольно бывало ему сказать одно слово, сделать одно движение, чтобы все в классе, как бешеные или сумасшедшие, захохотали в одно горло, даже при учителе, директоре... Он же оставался как ни в чём не бывало: спокоен и важен. Пока не знали причин нашего смеха, обыкновенно называли нас за него тем, что мы должны были, провинившись, стоять, а он один сидеть; но когда нам наскучило это и мы объявили, в чём дело, уже один он стоял, а мы сидели».

Как Гоголь притворился сумасшедшим

В Нежинской гимназии хотя и редко, но применялись телесные наказания. Нестор Кукольник рассказывает, как однажды, ещё в нижних классах, Гоголь чем-то провинился и, чтобы избежать наказания, притворился сумасшедшим. «Плохо,

брат! — сказал ему кто-то из товарищей, — высекут!» — «Завтра!» — отвечал Гоголь. Но приговор утверждён, явились классные надзиратели. Вдруг Гоголь вскрикивает так пронзительно, что все испугались, и сходит с ума. Подымается суматоха; Гоголя ведут в больницу. Директор гимназии, Иван Семёнович Орлай, дважды в день навещает его. Гоголя печат, друзья ходят к нему в больницу тайком и возвращаются с грустью: помешался, решительно помешался! Словом, до того искусно притворился, что все были убеждены в его помешательстве. И когда после двух недель успешного лечения его выпустили из больницы, приятели долго ещё поглядывали на него с сомнением и опасением.

Оба соврали

Однажды Гоголь, прогуливаясь по аллеям лицейского сада, толкнул плечом одного из воспитанников, на что тот сказал ему: «Дурак!» — «Ну, ты умный, — ответил Гоголь, — и оба мы соврали...»

Литературный дебют

В декабре 1828 года Гоголь вместе со своим школьным товарищем Александром Данилевским прибыл в Петербург. С собой он привёз поэму «Ганц Кюхельгартен», написанную, как сказано на заглавном листе, в 1827 году. Гоголь скрыл своё имя под псевдонимом В. Алов. Напечатал его на собственный счёт и раздал экземпляры книгопродавцам на комиссию. Он тогда жил со своим земляком и соучеником по гимназии Николаем Прокоповичем, который один и знал, откуда взялся «Ганц Кюхельгартен». Для других знакомых Гоголя это оставалось тайной. Некоторые из писателей, в том числе Пётр Александрович Плетнёв, которого Гоголь знал тогда ещё только по имени, получили по экземпляру его поэмы; но автор не обозначил, от кого была прислана книжка. Он как бы спрятался за своим псевдонимом и ждал, какие будут отзывы о его поэме. Но знакомые молчали или отзывались о «Ганце» равнодушно, а критик Николай Полевой прошёл по нему в своем журнале насмешкой, от которой сердце юноши-поэта невольно исполнилось скорбью. Он понял, что стихи не его род сочинений, и отправился со своим верным слугой Якимом по книжным лавкам, где отобрал у книгопродавцов экземпляры книги и сжёг все до одного.

Как работал Гоголь

Известно, что Гоголь по несколько раз переписывал свои произведения, каждый раз внося в текст существенные исправления и добавления. Поэт и переводчик Николай Васильевич Берг в своих воспоминаниях приводит слышанное им самим от Гоголя поучение, как надо писать. «Сначала нужно набросать всё как придётся, — говорил он, — хотя бы плохо, водянисто, но решительно всё и забыть об этой тетради. Потом через месяц, через два, иногда более (это скажется само собою) достать написанное и перечитать: вы увидите, что многое не так, много

лишнего, а кое-чего и недостаёт. Сделайте поправки и заметки на полях — и снова забросьте тетрадь. При новом пересмотре её — новые заметки на полях, и где не хватит места — взять отдельный клочок и приклеить сбоку. Когда всё будет таким образом исписано, возьмите и перепишите тетрадь собственноручно. Тут сами собой явятся новые озарения, урезы, добавки, очищения слога. Между прежних вскочат слова, которые необходимо там должны быть, но которые почему-то никак не являются сразу. И опять положите тетрадку. Путешествуйте, развлекайтесь, не делайте ничего или хоть пишите другое. Придёт час — вспомнится заброшенная тетрадь: возьмите, перечитайте, поправьте тем же способом и, когда снова она будет измарана, перепишите её собственноручно. Вы заметите при этом, что вместе с крепчанием слога, с отделкой, очисткой фраз — как бы крепчает и ваша рука; буквы становятся твёрже и решительнее. Так надо делать, по-моему, восемь раз. Для иного, может быть, нужно меньше, а для иного и ещё больше. Я делаю восемь раз. Только после восьмой переписки, непременно собственною рукою, труд является вполне художественно законченным, достигает перла создания».

Под гром бильярдных шаров

Тот же Берг вспоминает, как однажды на вечере у одного из московских литераторов

кто-то из гостей, несмотря на принятое всеми знавшими Гоголя правило не спрашивать его ни о чём, особенно о сочинениях и литературных замыслах, — не удержался и заметил ему, что это он смолк: ни строки, вот уже несколько месяцев сряду... Ожидали простого молчания, каким отделялся обычно Гоголь от подобных вопросов, или ничего не значащего ответа. Николай Васильевич грустно улыбнулся и сказал: «Да! Как странно устроен человек: дай ему всё, чего он хочет, для полного удобства жизни и занятий, тут-то он и не станет ничего делать; тут-то и не пойдёт работа!» Потом, помолчавши немного, он рассказал следующее: «Со мною был такой случай: ехал я раз между городками Джансано и Альбано в июле месяце. Среди дороги, на бугре, стоит жалкий трактир, с бильярдом в главной комнате, где вечно гремят шары и слышится разговор на разных языках. Все проезжающие мимо непременно тут останавливаются, особенно в жар. Остановился и я. В то время я писал первый том "Мёртвых душ", и эта тетрадь со мною не расставалась. Не знаю почему, именно в ту минуту, когда я вошёл в трактир, захотелось мне писать. Я велел дать столик, уселся в угол, достал портфель и под гром катаемых шаров, при невероятном шуме, беготне прислуги, в дыму, в душной атмосфере забылся удивительным сном и написал целую главу, не сходя с места. Я считаю эти строки одни-

ми из самых вдохновенных. Я редко писал с таким одушевлением».

Творить без любви нельзя

Екатерина Александровна Хитрово, одесская знакомая Гоголя, передаёт сказанные им слова: «Если мысли писателя не обращены на важные предметы, то в нём будет одна пустота. Надобно любовью согреть сердца; творить без любви нельзя». И далее Гоголь заметил: «А что без любви написано, то холодно. Иногда бывает самодовольство: делаешь что-нибудь хорошо, доволен собою, а после увидишь, как недостаточно. Святые падали, гордясь тем, что благодать им сошла...»

Гоголь и дети

Дмитрий Погодин, сын историка Михаила Петровича Погодина, в московском доме которого не раз останавливался Гоголь, рассказывает, что Николай Васильевич очень любил детей и позволял им резвиться и шалить сколько угодно. «Бывало, мы, то есть я с сестрою, — вспоминает он, — точно службу служим; каждое утро подойдём к комнате Николая Васильевича, стукнем в дверь и спросим: "Не надо ли чего?" — "Войдите", — откликнется он нам. Несмотря на жар в комнате, мы заставали его ещё в шерстяной фуфайке поверх сорочки. "Ну, сидеть, да смирно", — скажет он и продолжает своё дело, состоявшее обыкновенно в вязанье на спицах шарфа или ермолки или в писании чего-то чрезвычайно мелким почерком на чрезвычайно маленьких клочках бумаги. Клочки эти он, иногда прочитывая вполголоса, рвал, как бы сердясь, или бросал на пол, потом заставлял нас подбирать их с пола и раскладывать по указанию, причём гладил по голове и благодарил, когда ему угождали; иногда же бывало, как бы рассердившись, схватит за ухо и выведет на хоры: это значило — на целый день уже и не показывайся ему».

Соловиная тайна

Тот же Дмитрий Погодин вспоминает: «Сад был у нас громадный, на десять тысяч сажен, и весной сюда постоянно прилетал соловей. Но для меня собственно вопрос состоял в том, будет ли он петь именно за обедом; а пел он большею частью рано утром или поздно вечером. Я с детских лет имел страсть ко всякого рода певчим птицам, и у меня постоянно водились добрые соловьи. В данном случае я пускался на хитрость: над обоими концами стола, ловко укрыв ветвями, вешал по клетке с соловьём. Под стук тарелок, лязг ножей и громкие разговоры мои птицы оживали: один свистнет, другой откликнется, и начинается дробь и дудка. Гости восхищались. "Экая благодать у тебя, Михаил Петрович, умирать не надо. Запах лип, соловьи, вода в виду, благодать, да и только". Надо сказать, что Николай Васильевич был посвящён в мою соловиновую тайну и сам оставался доволен, когда мой птичий концерт удавался, но никогда даже отцу не выдавал меня».

Будьте как дети

Как-то раз Гоголя спросили, не лучше ли детям бегать и резвиться по воскресеньям, нежели ходить в церковь. На это он ответил: «Когда от нас требуется, чтобы мы были как дети, какое же мы имеем право от них требовать, чтобы они были как мы?»

В другой раз Гоголь сказал: «Всего лучше читать детям книги для больших, вот историю Карамзина с девятого тома».

Лепажевское ружьё

Павел Васильевич Анненков вспоминает, как однажды при Гоголе рассказан был «канцелярский анекдот о каком-то бедном чиновнике, страстном охотнике за птицей, который необычайной экономией и неумомимыми, усиленными трудами сверх должности накопил сумму, достаточную на покупку хорошего лепажевского ружья рублей в 200 ассигнациями. В первый раз, как на маленькой своей лодочке пустился он по Финскому заливу за добычей, положив драгоценное ружьё перед собою на нос, он находился, по его собственному уверению, в каком-то самозабвении и пришёл в себя только тогда, как, взглянув на нос, не увидел своей обновки. Ружьё было стянуто в воду густым тростником, через который он где-то проезжал, и все усилия отыскать его были тщетны. Чиновник возвратился домой, лёг в постель и уже не встал: он схватил горячку. Только общей подпиской его товарищей, узнавших о происшествии и купивших ему новое ружьё, возвращён он был к жизни, но о страшном событии он уже не мог никогда вспоминать без смертельной бледности в лице... Все смеялись анекдоту, имевшему в основании истинное происшествие, исключая Гоголя, который выслушал его задумчиво и опустил голову. Анекдот был первой мыслию чудной повести его «Шинель», и она заронила в душу его в тот же самый вечер».

Гоголь в Испании

Александра Осиповна Смирнова, старшая приятельница Гоголя, рассказывает, как однажды говорила она с Гоголем о разных удобствах в путешествии и он сказал, что хуже всего на этот счёт в Португалии, и советовал туда не ездить. «Вы как это знаете, Николай Васильевич?» — спросила она. — «Да я там был: пробрался из Испании, где также прегадко в трактирах», — отвечал он преспокойно. Александра Осиповна стала утверждать, что он не был в Испании, что этого не может быть, потому что там всё в смутах, дерутся на всех перекрёстках, что те, которые оттуда приезжают, много рассказывают, а он ровно никогда ничего не говорил. На всё это Гоголь хладнокровно отвечал: «Зачем же всё рассказывать и занимать публику? Вы привыкли, чтобы вам с первого раза человек всё выкладывал, что знает и не знает, даже и то, что у него на душе». Смирнова осталась при своём, что он не был в Испании, и меж ними состоялся эта шутка: «Это когда я был в Испании». В Испании Гоголь точно был, но проездом...

О Пушкине

На вопрос княжны Варвары Николаевны Репниной, был ли Пушкин импровизатор или творец, Гоголь ответил: «Пушкин был необыкновенно умён. Если он чего и не знал, то у него чутьё было на всё. И силы телесные были таковы, что их достало бы у него на девяносто лет жизни». И далее Гоголь сказал: «Я уверен, что Пушкин бы совсем стал другой. Он хотел оставить Петербург и уехать в деревню; жена и родные уговорили остаться».

Почему Гоголь сжёг дневник

Та же Екатерина Александровна Хитрово однажды заметила Гоголю, почему бы ему не писать записок своих. Он ответил: «Я как-то писал, но, бывши болен, сжёг. Будь я более обыкновенный человек, я бы оставил; а то бы это непременно выдали, а интересного ничего нет, ничего полезного, и кто бы издал, глупо сделал. Я от этого и сжёг».

Русский Иерусалим

Михаил Александрович Максимович, один из ближайших друзей Гоголя, рассказывает о встрече с ним после трёхлетнего перерыва в Киеве летом 1835 года. По его словам, Гоголь уже тогда поразил его своей глубокой религиозной настроенностью. «Он пробыл у меня пять дней, — вспоминает Максимович, — или, лучше сказать, пять ночей: ибо в ту пору всё моё дневное время было занято в университете, а Гоголь уезжал с утра к своим нежинским лицейским знакомцам и с ними странствовал по Киеву. Возвращался он вечером, и только тогда начиналась наша беседа... Нельзя было мне не заметить перемены в его речах и настроении духа: он каждый раз возвращался неожиданно степенным и даже задумчивым... Я думаю, что именно в то лето начался в нём крутой переворот в мыслях — под впечатлением древнерусской святыни Киева, который у малороссиян XVII века назывался *Русским Иерусалимом*...»

Русская душа

Гоголю не нужно было выяснять, малороссиянин он или русский, — в споры об этом его втянули друзья. В 1844 году он так отвечал на запрос Александры Осиповны Смирновой: «Скажу вам одно слово насчёт того, какая у меня душа, хохляцкая или русская, потому что это, как я вижу из письма вашего, служило одно время предметом ваших рассуждений и споров с другими. На это вам скажу, что сам не знаю, какая у меня душа, хохляцкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому пред малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены Богом, и как нарочно каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой, — явный знак, что они должны пополнить одна другую. Для этого самые истории их прошедшего быта даны им непохожие одна на другую, дабы порознь вос-

питались различные силы их характера, чтобы потом, слившись воедино, составить собою нечто совершеннейшее в человечестве».

Вареники по-украински

Как-то раз Гоголь, уже снискавший литературную славу, приехал к соседней помещице и застал там гостей. У помещицы был единственный семилетний сын, в котором она души не чаяла и которому давала свободу во всё. Закуска была на столе, подали кофе. В это время входит сын хозяйки, бегавший с мальчишками в саду. «Чего ты, душечка, хочешь?» — спрашивает мать. — «Вареникив хочу», — отвечает мальчик. — «Ах, как можно так говорить! Говори, душечка, по-русски!» А тот ещё настойчивее: «Вареникив хочу, дайте мини вареникив». Мать сильно сконфузилась и не знала, что делать, давать ли сыну вареников, которые были в числе прочей закуски, или учить его говорить по-русски. Видя смущение матери, Гоголь сказал: «Зачем вы мешаете ему, пусть говорит он на своём родном наречии. Придёт время, и всему прочему ещё успеет научиться».

Гоголь и крестьяне

Ни при каких трудных обстоятельствах Гоголь не оставлял заботы о ближних, в том числе и о крестьянах. Ольга Васильевна Головная, сестра писателя, вспоминает, как однажды они были в церкви и Гоголь увидел, что священник им раздал просфоры, а крестьянам нет. Когда возвращались из церкви, он положил руку на плечо сестры и попросил, чтобы она велела к каждой службе печь по двадцать пять просфор, резать их на четыре части и отправлять в церковь, чтобы священник мог раздавать людям. При этом дал ей двадцать пять рублей, чтобы не брать у матери муку, и впредь обещал присылать денег.

Вместе с сестрой Гоголь заходил в избы мужиков, смотрел, как они живут; ездил на поле к жнецам. «В то время был плохой урожай, — рассказывает Ольга Васильевна, — и хлеб такой низкий был, что нельзя было жать, и они руками вырывали с корнями. Мы подъехали к жнецам, брат встал, подошёл к ним, спрашивал: «Тяжелее рвать, как жать?» — «Жать легче, а рвать — на ладони мозоли поробились». А он сказал им в утешение: «Трудитесь, чтобы заслужить Царство Небесное». И по отъезде из Васильевки Гоголь не оставлял попечения о крестьянах. Та же Ольга Васильевна свидетельствует: «Со временем брат присылал матери денег, чтобы она купила хоть по телёнку тем мужикам, у кого не было скота, и мне прислал пятьдесят рублей, чтобы я по усмотрению своему помогала нуждающимся».

Как молился Гоголь

Григорий Павлович Галаган, богатый украинский помещик, живший в начале 1840-х годов в Риме, вспоминал, что Гоголь уже тогда показался ему очень набожным. «Один раз собирались в русскую церковь все русские на всенощную, — рассказывает он. — Я видел, что и Гоголь вошёл, но потом потерял его из

виду и думал, что он удался. Немного прежде конца службы я вышел в переднюю, потому что в церкви было слишком душно, и там в полумраке заметил Гоголя, стоящего в углу за стулом на коленях и с поникнутой головой. При известных молитвах он бил поклоны».

Гоголь верил в простоте сердца, так, как верит народ. Княжна Варвара Николаевна Репнина-Волконская вспоминала, имея в виду пребывание Гоголя в Одессе зимой 1850/51 года: «У матери моей (княгини Варвары Алексеевны Репниной-Волконской. — В.В.) была домовая церковь. Гоголь приходил к обедне, становился в угол за печкой и молился, “как мужичок”, по выражению одного молодого слуги, то есть клал поклоны и стоял благоговейно».

Молебен о здравии болящей рабы Божией Александры

Владимир Иванович Шенрок, биограф Гоголя, рассказывает со слов родственников писателя, что однажды в 1848 году, гостя у своих в Васильевке, он куда-то выехал из деревни, но вдруг, уже в половине пути, что-то вспомнил, вернулся домой, заказал в церкви молебен о здравии болящей рабы Божией Александры и сейчас же снова отправился в путь. Родные догадались, что он молился за Александру Осиповну Смирнову.

Гоголь и Евангелие

Известно, что Гоголь никогда не расставался с Евангелием. «Выше того не выдумать, что уже есть в Евангелии, — говорил он. — Сколько раз уже отшатывалось от него человечество и сколько раз обращалось». По свидетельству современников, Гоголь ежедневно читал по главе из Ветхого Завета, а также Евангелие на церковнославянском, латинском, греческом и английском языках. Ольга Васильевна Гоголь-Головня вспоминала: «Он всегда при себе держал Евангелие, даже в дороге. Когда он ездил с нами в Сорочинцы, в экипаже читал Евангелие. Видна была его любовь ко всем. Никогда я не слышала, чтобы он кого осудил».

Эмилия Ковриго, сирота, воспитанница матери Гоголя, рассказывала, что в её отроческие годы Николай Васильевич учил её грамоте и когда выучил, то первой книгой, которую она с ним прочитала, было Евангелие. «И эти уроки и беседы о любви к ближнему, — вспоминала она, — так глубоко запали в мою детскую душу, что никакие невзгоды жизни не могли бы поколебать во мне веры в истину христианской любви, о которой он мне с такой силой говорил и которая на каждом шагу осуществлялась в семье Гоголей».

О пользе поста и молитвы

Графиня Анна Георгиевна Толстая (урождённая княжна Грузинская) была женщиной глубоко религиозной. Писатель Владимир Гиляровский передаёт со слов её бывшей компаньонки Юлии Арсеньевны Троицкой, что графиня постилась до крайней степени, любила есть тюрю из хлеба, картофеля, кваса

и лука и каждый раз за этим кушаньем говорил: «И Гоголь любил кушать тюрю. Мы часто с ним ели тюрю». Настольной книгой графини были «Слова и речи преосвященного Иакова, архиепископа Нижегородского и Арзамасского» в четырёх частях, изданные в 1849 году. На книге имелись отметки карандашом, которые делал Гоголь, ежедневно читавший Анне Георгиевне эти проповеди. По словам графини, она обыкновенно ходила по террасе, а Гоголь, сидя в кресле, читал ей и объяснял значение прочитанного. Самым любимым местом книги у Гоголя было «Слово о пользе поста и молитвы».

Образ Николая Чудотворца

В своих странствиях по миру Гоголь не расставался с иконой святителя Николая, своего небесного покровителя. Священник Пётр Соловьёв, находившийся в составе Русской духовной миссии в Иерусалиме, оставил воспоминания о встрече с писателем в январе 1848 года на пароходе «Истамбул», следовавшем к берегам Сирии. Гоголь показал ему образ святого Николая Чудотворца и спросил его мнения о качестве изображения. «По всему видно было, что он высоко ценил в художественном отношении свою икону и дорожил ею, как святынею», — вспоминал отец Пётр.

После Иерусалима

Княжна Варвара Николаевна Репнина-Волконская в своих воспоминаниях следующим образом описывает приезд Гоголя в их имение Яготино по возвращении из Иерусалима в 1848 году: «Лицо его носило отпечаток перемены, которая воспоследовала в душе его. Прежде ему были ясны люди; но он был закрыт для них, и одна ирония показывалась наружу. Она колола их острым его носом, жгла его выразительными глазами; его боялись. Теперь он сделался ясным для других; он добр, он мягок, он братски сочувствует людям, он так доступен, он снисходителен, он дышит христианством. Потом в Одессе я дала ему прочесть эти строки; он сказал мне: “Вы меня поняли, но слишком высоко поставили в своём мнении”».

Мощи святого Спиридона Тримифунтского

В монастыре Оптина Пустынь, который трижды посетил Гоголь, сохранилось предание, пересказанное преподобным Амвросием. Во время пребывания в этой обители Гоголь рассказывал отцу Порфирию Григорову, издателю жития и писем затворника Задонского Георгия, что он видел мощи святого Спиридона Тримифунтского и был свидетелем происшедшего от них чуда. При нём мощи, которые были не только нетленны, но в продолжение пятнадцати веков сохраняли мягкость, обносились вокруг города, как это ежегодно совершается 12 декабря (по старому стилю) с большим торжеством. Все бывшие тут прикладывались к мощам, а один английский путешественник не хотел оказать им должного почтения, говоря, что спина угодника будто бы прорезана и тело набальзамировано,

потом, однако, решился подойти, и мощи сами обратились к нему спиной. Англичанин в ужасе пал на землю пред святыней. Этому были свидетелями многие, в том числе и Гоголь.

О намерении поселиться в скиту

Преподобный Варсонофий Оптинский рассказывал в беседе со своими духовными чадами: «Есть предание, что незадолго до смерти Гоголь говорил своему близкому другу: “Ах, как я много потерял, как ужасно много потерял...” — “Чего? Отчего потеряли вы?” — “Оттого, что не поступил в монахи. Ах, отчего батюшка Макарий не взял меня к себе в скит?”». Это предание отчасти подтверждается свидетельством сестры Гоголя Анны Васильевны, которая писала Владимиру Шенроку, что брат её мечтал поселиться в Оптиной Пустыни.

Обед у генерала Фон-Брина

Художник Михаил Железнов, ученик Карла Брюллова, вспоминает, как однажды в конце декабря 1851 года он вместе со своим другом Алексеем Чернышовым, тоже живописцем, обедал у московского генерала Сергея Францевича Фон-Брина, начальника штаба 6-го Пехотного корпуса. После осмотра нового Кремлёвского дворца, рассказывает Железнов, Фон-Брин привёз их в свою квартиру. Его встретил в зале какой-то полковник, высокий, плотный, красивый мужчина, товарищ Гоголя по гимназии (Александр Людвигович Гинтовт), который объявил, что Гоголь обещался приехать к обеду, если будет хорошо себя чувствовать, а потом, обратясь к Чернышову, присовокупил: «Алексей Филиппович, если Гоголь, паче чаяния, к обеду не явится, то сегодня вечером попросите Мокрицкого (профессора живописи в Московском училище живописи и ваяния) передать ему, что место, которое он желает получить при детях наследника, уже занято и что ему нельзя получить этого места». Чернышову не было нужды передавать Мокрицкому слова полковника, потому что Гоголь сдержал слово и к четырём часам приехал к Фон-Брину.

Ищите Царствия Божия

Екатерина Александровна Хитрово передаёт в своём дневнике, как однажды Гоголь читал вслух проповедь святителя Филарета, митрополита Московского, на евангельский стих: «Ищите Царствия Божия» (Мф., 6, 33; Лк., 12, 31). Святитель говорил о «краже», то есть несоблюдении, воскресных дней. По этому поводу Гоголь заметил: «Как это часто со мной случалось! А проку-то и не выходило. Когда внутренно устроен человек, то у него всё ладится. А чтобы внутренно устроенным быть, надобно искать Царствия Божия, и всё прочее приложится вам».

О церковнославянском языке

Та же Екатерина Александровна Хитрово приводит сказанные Гоголем слова: «Как

странно иногда слышать: “К стыду моему, должна признаться, что я не знаю славянского языка!” Зачем признаваться? Лучше ему учиться: стоит две недели употребить».

Дурной помысел

Гоголь сказал как-то: «Нельзя осудить человека в чём бы то ни было, сейчас сам то же сделаешь». Михаил Петрович Погодин рассказывает случай, который как нельзя лучше подтверждает эту истину. Приехал к нему Гоголь из-за границы и поселился на верхней половине, над кабинетом. В доме Погодина находилось тогда его знаменитое древлехранилище (собрание древних рукописей, старопечатных книг и предметов старины), а он только что перед тем слышал, что Гоголь вместе с Николаем Боткиным чуть было не сожгли по неосторожности гостиницу, кажется, во Флоренции, позабыв потушить свечу или поставив её близ занавесок. И потому, опасаясь за свои книжные сокровища, он боялся, чтобы Гоголь с такой же беспечностью и здесь не стал обращаться с огнём. Надо было предупредить его об осторожности, но как сделать это, не обидев и не огорчив Гоголя, человека щекотливого и обидчивого?

Два дня Погодин выискивал в голове своей повод завести речь об осторожности и опасности — и что же? На третий день выходит он из спальни в кабинет и видит, что сам позабыл свечку на конторке; она выпала из подсвечника, прожгла лист бумаги, лежавшей на конторке, и верхнюю кожу, которой была оклеена верхняя доска, но на ней погасла. «Ты хочешь учить других осторожности, — как будто услышал он внутри себя голос, — но прежде научись сам». В эту минуту из противоположной двери идёт ему навстречу Гоголь. «Ну вот, два дня я думал о том, — сказал Погодин, — как бы напомнить тебе об осторожном обращении с огнём, и вот что случилось со мной, посмотри. Я позабыл здесь свечку и произвёл было пожар». Хозяин дома рад был тому, что так удачно подвернулся случай напомнить другу об осторожности.

Ближе к родине небесной

Долгое пребывание за границей не отрывало души Гоголя от России. Осенью 1850 года он писал дипломату и духовному писателю Александру Стурдззе из родной Васильевки: «Скажу вам откровенно, что мне не хочется и на три месяца оставлять России. Ни за что бы я не выехал из Москвы, которую так люблю. Да и вообще Россия всё мне становится ближе и ближе. Кроме свойства родины, есть в ней что-то ещё выше родины, точно как бы это та земля, откуда ближе к родине небесной».

Последнее свидание

Княжна Варвара Николаевна Репнина-Волконская вспоминает, что последний раз видела Гоголя в четверг на Масленой, то есть 7 февраля (1852 года). «Он был ясен, но сдержан, —

рассказывает она, — и всеми своими мыслями обращён к смерти; глаза его блистали ярче, чем когда-либо, лицо было очень бледно. За эту зиму он очень похудел, но настроение духа его не заключало в себе ничего болезненного; напротив, оно было ясным, более постоянно, чем прежде. Мысль, что мы его скоро потеряем, была так далека от нас; а между тем тон, с каким он прощался, на этот раз показался нам необычайным, и мы между собою заметили это, не догадываясь о причине. Её разъяснила нам его смерть».

Почему Гоголь не ложился в постель

Со слов доктора Алексея Терентьевича Тарасенкова, наблюдавшего Гоголя во время его предсмертной болезни, известно, что он почти до самой смерти не ложился в постель, а оставался в креслах: «Несмотря на своё убеждение, что постель будет для него смертным одром (почему он старался оставаться в креслах), в понедельник на второй неделе поста (то есть 18 февраля. — В.В.) он улёгся, хотя в халате и сапогах, и уже более не вставал с постели».

Можно думать, однако, что Гоголь сидел в креслах не из страха умереть на постели. Скорее это было в некотором роде подражанием монашескому обычаю проводить ночной отдых не на ложе, а на стуле, то есть вообще сидя (например, никогда не имел постели в своих кельях преподобный Серафим Саровский. В новейшее время архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Максимович) ночью отдыхал только сидя). Павел Васильевич Анненков, рассказывая о пребывании вместе с Гоголем в Риме летом 1841 года, пишет в своих воспоминаниях: «Одно обстоятельство только тревожило меня, возбуждая при этом сильное беспокойное чувство, которое выразить я, однако же, не смел перед Гоголем, а именно тогдашняя его причуда — проводить иногда добрую часть ночи, дремля на диване и не ложась в постель».

Поводом к такому образу жизни могла быть, во-первых, опасная болезнь, недавно им выдержанная и сильно напугавшая его, а во-вторых, боязнь обморока и замиранья, которым он, как говорят, действительно был подвержен. Как бы то ни было, но открыть секрет Гоголя, даже из благодушного желания пособить ему, значило нанести глубочайшую рану его сердцу. Таким образом, Гоголь довольно часто, а к концу всё чаще и чаще приходил в мою комнату, садился на узенький плетёный диван из соломы, опускал голову на руку и дремал долго после того, как я уже был в постели и тушил свечу. Затем переходил он к себе на цыпочках и так же точно усаживался на своём собственном соломенном диванчике вплоть до света, а со светом взбивал и размётывал свою постель для того, чтоб общая наша служанка, прибиравшая комнаты, не могла иметь подозрения о капризе жильца своего, в чём, однако же, успел весьма мало, как и следовало ожидать».

Обстоятельство это, между прочим, хорошо поясняет то место в любопытной записке Ф.В.Чижова о Гоголе 1843 года, где автор касается апатических вечеров Н.М.Языкова, на ко-

торых все присутствующие находились в состоянии полудремоты и после часа молчания или редких отрывистых замечаний расходились, приглашаемые иногда ироническим замечанием Гоголя: “Не пора ли нам, господа, окончить нашу шумную беседу...” Вечера эти могли быть для Гоголя началом самой ночи, точно так же проводимой, только без друзей и разговоров».

Завершает мемуарист свой рассказ следующими словами: «Конечно, тут ещё нельзя искать обыкновенных приёмов аскетического настроения, развившегося впоследствии у Гоголя до необычайной степени, но путь для них был уже намечен».

Думается всё-таки, что здесь было не начало, а уже некоторая полнота аскетического поведения Гоголя. Косвенным подтверждением этому могут служить упомянутые Анненковым воспоминания Фёдора Васильевича Чижова, общавшегося с Гоголем в Риме в 1843 году. Он, в частности, говорит: «В каком сильном религиозном напряжении была тогда душа Гоголя, покажет следующее. В то время одна дама, с которою я был очень дружен, сделалась сильно больна. Я посещал её иногда по нескольку раз на день и обыкновенно приносил известия о ней в нашу беседу, в которой все её знали — Иванов лично, Языков по знакомству её с его родными, Гоголь понаслышке. Однажды, когда я опасался, чтоб у неё не было антонова огня в ноге, Гоголь просил меня зайти к нему. Я захожу, и он, после коротенького разговора, спрашивает: “Была ли она у святителя Митрофана?” — Я отвечал: “Не знаю”. — “Если не была, скажите ей, чтоб она дала обет помолиться у его гроба. Сегодняшнюю ночь за неё здесь сильно молился один человек, и передайте ей его убеждение, что она будет здорова. Только, пожалуйста, не говорите, что это от меня”. По моим соображениям, этот человек, должно было, был сам Гоголь...»

Ядовитое лекарство

Известно, что Гоголь внимательно следил за ходом болезни Екатерины Михайловны Хомяковой и полагал, что её неправильно лечат. Он часто навещал её, свидетельствует в своих записках доктор Алексей Терентьевич Тарасенков, и, когда она была уже в опасности, при нём спросили у доктора Альфонского, в каком положении он её находит. Тот отвечал вопросом: «Надеюсь, что ей не давали каломель, который может её погубить?» Но Гоголю было известно, что каломель уже был дан. Он вбежал к графу Толстому и воскликнул: «Всё кончено, она погибнет, ей дали ядовитое лекарство!»

Был ли Гоголь отравлен врачами?

Недавно была предложена новая версия причины смерти Гоголя: он якобы был отравлен каломелем. «Особенность каломели заключается в том, — пишет журналист Константин Смирнов, — что он не причиняет вреда лишь в том случае, если сравнительно быстро выводится из организма через кишечник. Если же он задерживается в желудке, то через некоторое время начинает действовать

как сильнейший ртутный яд сулема. Именно это, по-видимому, и произошло с Гоголем: значительные дозы принятой им каломели не выводились из желудка, так как писатель в это время постился и в его желудке просто не было пищи». Однако из записок Тарасенкова следует, что каломель Гоголю давал доктор Клименков в ночь на 21 февраля, за несколько часов до кончины писателя, когда тот был уже в беспамятстве. Утверждение, что каломелью пичкал Гоголя каждый приступавший к лечению эскулап, не подтверждается фактами. Невероятно предположить, что Гоголь стал бы принимать это «ядовитое лекарство» после случая с Хомяковой. Тот же Тарасенков свидетельствует, что о лекарствах аптечных Гоголь «имел понятие как о ядах и решительно отказывался от них; если же и принимал какое-либо лекарство, то скорее по совету тех, которые утверждали о его испытанной на себе пользе, нежели по назначению самих врачей».

Забота о ближнем

За три дня до кончины Гоголя его навещал Владимир Осипович Шервуд, в ту пору молодой художник, впоследствии академик живописи и известный архитектор (по его проекту постро-

ено здание Исторического музея в Москве). «Я явился на его квартиру, чтобы узнать о его здоровье, — вспоминает он, — и Алексей Терентьевич Тарасенков передал мне все подробности. Положение было трагическое. Его подозревали в сумасшествии, его подозревали в каких-то изумительных болезнях, но, по свидетельству Тарасенкова, ничего подобного не было». В это время к Гоголю приехал его старый знакомый московский гражданский губернатор Иван Васильевич Капнист. Он и ещё несколько друзей находились в комнате, где, отвернувшись лицом к стене, на которой висел образ Богородицы, лежал Гоголь. Из неосторожного разговора присутствующих он ясно мог понять, что они считают его не в своём уме. В эту минуту Гоголь обернулся и сказал Капнисту: «У вас в канцелярии десять лет служит на одном месте чиновник, честный, скромный и толковый труженик, и нет ему ходу и никакой награды; обратите внимание на это, ваше превосходительство, хотя бы в мою память». Этим чиновником был сын священника Иоанна Никольского, духовника Гоголя.

Последнее напутствие

Александра Осиповна Смирнова рассказывает в своих воспоминаниях, как не-

задолго до кончины Гоголя она, будучи больна, получила от него записку. Он писал: «Не смущайтесь, вы воскреснете от болезни, повторяйте слова вашего друга майора Филонова, который, как вы мне сказали, повторял неустанно: “Христос Воскресе, Христос Воскресе”. Прощайте, добрый друг, Христос с вами и ныне, и присно, и во веки веков да будет».

У Престола Господня

Григорий Петрович Данилевский, автор исторических романов, лично знавший Гоголя и совершивший в мае 1852 года поездку на родину писателя, рассказывает в своих воспоминаниях, что местные крестьяне не хотели верить, что Гоголь умер, и среди них родилось сказание о том, что похоронен в гробе кто-то другой, а барин их будто бы уехал в Иерусалим и там молится за них. В этом сказании есть глубокая духовная правда. Гоголь действительно переселился в Горный Иерусалим и там из своего чудного, но таинственного и неведомого нам далёка, у Престола Господня, молится за всю Русскую землю, чтобы непоколебимо стояла она в православной вере и чтобы больше было в ней правды и любви, — ведь это и являлось главной заботой великой души великого русского писателя.

Однажды Гоголь... (вместо послесловия)

Известно, что Гоголь был любимым писателем Николая Рубцова. Как-то раз в Литературном институте, где учился поэт, на экзамене ему достался билет с вопросом о Гоголе. Рубцов, знавший наизусть целые страницы из прозы Гоголя, был этому очень рад. Экзамен принимал известный профессор Семён Иосифович Машинский, автор нескольких монографий о творчестве Гоголя. Отложив в сторону билет, Рубцов и профессор мирно беседовали, затем о чём-то стали спорить. Студент утверждал — профессор отрицал. Спор зашёл в тупик. Тогда профессор заявил: «Ну, хорошо. Если вы принесёте мне книгу, где написано, что Гоголь так высказался, я тут же ставлю вам “пятёрку” за экзамен». Студент тотчас побежал в библиотеку, и профессор смог удостовериться, что Гоголь именно так и говорил, как утверждал поэт.

У Рубцова есть несколько стихотворений, посвящённых Гоголю. Вот одно из них:

*Однажды Гоголь вышел из кареты
На свежий воздух. Думать было лень.
Но он во мгле увидел силуэты
Полузабытых тощих деревень.
Он пожалел безрадостное племя,
Оплакал детства светлые года,
Не смог представить будущее время —
И произнёс: «Как скучно, господа!»*

По мотивам этого стихотворения художник Филипп Москвитин написал картину.

Филипп Москвитин. Однажды Гоголь вышел из кареты. 2008